

ГЕРМАНЪ УЛЬРИЦИ.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти)

(11-го Января 1884—11 Января 1909 г.).

Странная, вообще, судьба постигаетъ нѣмецкихъ мыслителей на нашей русской почвѣ: одни изъ нихъ дѣлаются извѣстными русскому читающему обществу тотъ часъ же послѣ того, какъ они приобрѣтутъ себѣ славу на своей родинѣ; другіе—становятся культурнымъ достояніемъ русскаго народа спустя долгое время послѣ ихъ выступленія передъ судомъ читающей публики въ Германіи; наконецъ, третьи остаются неизвѣстными въ Россіи вовсе. Германъ Ульрици принадлежалъ, пожалуй, ко второй категоріи, и въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ общую всѣмъ имъ, горькую участь. Въдѣ въ Россіи знакомство съ чужими философами не выходитъ за предѣлы тѣхъ немногихъ переводовъ нѣкоторыхъ ихъ сочиненій или даже отрывковъ изъ нихъ, которыя, кромѣ того, бывають еще иногда сдѣланы наспѣхъ и неудачно, чтобы не сказать больше. И въ довершеніе всего, они всѣ, обыкновенно, очень скоро забываются, по большей части прежде, чѣмъ слава ихъ успѣетъ померкнуть въ отечествѣ. Они потомъ не вспоминаются даже и тогда, когда въ народѣ пробуждаются мысли, развиваемыя въ ихъ творчествѣ или когда память о нихъ оживаетъ сама собой,—въ какой-нибудь юбилейный годъ. Задача наша біографическаго очерка объ Ульрици, умершемъ 25 лѣтъ тому назадъ, и заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы оживить память о немъ въ сознаниіи русскаго читающаго общества, довольно сильно интересовавшагося имъ въ свое время, и нарисовать цѣльный образъ его личности вмѣстѣ съ указаніемъ на общій характеръ его

міросозерцанія и настроенія, въ которомъ вылилась вся его свѣтлая, идеалистически настроенная душа.

I.

Биографическія свѣдѣнія изъ жизни Г. Ульрици.

На старомъ городскомъ кладбищѣ въ Галле, среди множества кургановъ, скрывшихъ подъ своей землей много славныхъ именъ, едва замѣтно видѣется могила съ водруженнымъ на ней высокимъ прямымъ и гладкимъ крестомъ. На этомъ крестѣ сдѣлана надпись: „Я живу, и вы будете жить“¹⁾. Въ этой могилѣ похоронена жена Ульрица, а надпись сдѣлана имъ самимъ, какъ бы въ завѣщаніе всѣмъ живымъ людямъ его вѣры въ одинъ изъ главнѣйшихъ догматовъ христіанскаго вѣроученія,—въ догматъ безсмертія и загробной жизни послѣ воскресенія, приобрѣтеннаго для людей Христомъ черезъ Голгофскій Крестъ. Здѣсь явно звучитъ основной мотивъ настроенія человѣка, искренне, глубоко и убѣжденно вѣрующаго, ни отъ кого не скрывающаго своихъ убѣжденій и ставящаго послѣднія въ основу своего міропониманія и жизни. Міросозерцаніе Ульрици, въ самомъ дѣлѣ, было построено на христіанскомъ базисѣ и, опираясь на почву научныхъ данныхъ изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, въ послѣдней инстанціи возводилось къ системѣ христіанскаго теистическаго міровоззрѣнія и было по существу христіанскимъ.

Про жизнь Ульрици вообще можно сказать, что она, одновременно была и проста и сложна. Проста она была со стороны внѣшнихъ фактическихъ данныхъ, гдѣ все было такъ ясно и опредѣленно, такъ положительно и солидно. О сложности же жизни Ульрици можно говорить, принимая во вниманіе богатство и разнообразіе ея внутренняго содержанія, ту массу разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился весь его нравственный обликъ, и развилось у него округленное, законченно-цѣльное міросозерцаніе.

Внѣшняя или фактическая сторона жизни Ульрици, особенно въ періодъ его дѣтства, отрочества и юности, была небогата событіями. Сынъ важнаго почтоваго чиновника,

¹⁾ Иоан. 14, 19.

Ульирици родился 23-го марта 1806 года въ небольшомъ саксонскомъ городкѣ Нидерляузица Пфѳрдтенѣ, гдѣ его отецъ занималъ видную должность почтъ-директора.

Затѣмъ Ульирици, еще совершенно ребенкомъ, приходится, вмѣстѣ съ своими родителями, послѣдовательно мѣнять два раза свое мѣстожителство сначала—Пфѳрдтенѣ на Лейпцигѣ, а потомъ—Лейпцигѣ на Берлинѣ. Въ Лейпцигѣ, куда Ульирици попалъ на пятомъ году своей жизни, вмѣстѣ съ отцомъ, переведенномъ туда въ 1811 году на должность оберъ-почтъ-директора, начинается и школьное образованіе Ульирици: здѣсь онъ скоро поступилъ въ низшую начальную народную школу (*gemein--Schule*), которую и посѣщалъ все время, пока оставался въ Лейпцигѣ, т. е., около четырехъ лѣтъ.

Въ Берлинѣ Ульирици попалъ въ 1816 году, когда его отецъ былъ переведенъ туда изъ Лейпцига. Здѣсь Ульирици, уже десятилѣтнимъ мальчикомъ, успѣвшимъ испытать за недолгое время своей жизни такое разнообразіе впечатлѣній отъ частыхъ перемѣнъ жизненной обстановки, поступилъ въ гимназію. Это была извѣстная „Вердеровская“ гимназія Фридриха (*Friedrich—Werderscher Gymnasium*), которая и сейчасъ въ Берлинѣ пользуется большой извѣстностью и симпатіями нѣмцевъ за хорошую постановку въ ней учебнаго и воспитательнаго дѣла. Эту гимназію Ульирици блестяще окончилъ въ 1824 году, и въ томъ же году, послѣ Пасхи, поступилъ вольнослушателемъ въ Галльскій университетъ на юридическій факультетъ. Здѣсь-то, черезъ три года Ульирици и закончилъ свое, собственно, юридическое образованіе.

Слѣдуя желанію своего отца, человекъ съ практическимъ направленіемъ ума и воли, Ульирици сначала усердно занимался юридическими науками. Въ 1827 году онъ уже сдалъ государственный экзамень. Вооружившись полученными правами юриста, Ульирици скоро поступилъ на государственную службу, получивъ мѣсто въ Франкфуртѣ. Хотя чиновничья дорога для Ульирици идеальнo—настроеннаго и тяготѣвшаго къ сферѣ чистой науки и ея возвышенныхъ идеаловъ, и была не по душѣ, однако онъ пошелъ по ней быстро и безъ задержекъ, скоро достигнувъ степени рефендарія.

Къ счастью для него и для науки эта видная, но несимпатичная ему служба въ роли государственнаго чиновника

продолжалась весьма недолго,—на нее было израсходовано всего только два года: смерть отца въ 1829 году развязала Ульрици руки и вывела его изъ того ложнаго положенія, въ какое онъ попалъ благодаря мягкости и податливости своего характера, а также—благодаря любви къ родителямъ и вытекающему отсюда нежеланію—огорчить ихъ отказомъ отъ чиновничьей карьеры. И вѣроятно изъ Ульрици вышелъ-бы въ концѣ концовъ самый заурядный, или даже плохой чиновникъ, такъ какъ онъ питалъ прямо органическое отвращеніе къ такой работѣ. Но, къ счастью, этого не случилось и смерть отца (въ 1829 г.) была поворотнымъ пунктомъ въ жизни У. выведшимъ его на новую, настоящую для него дорогу.

Тотъ часъ же послѣ смерти отца, почувствовавъ себя свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, Ульрици оставляетъ ненавистную ему чиновничью дорогу, ставитъ крестъ надъ всѣмъ грубо-матеріалистическимъ и прозаическимъ содержаніемъ жизни и вступаетъ на путь ученой академической дѣятельности; онъ весь теперь погружается въ сферу чистой науки, занимаясь исторіей и литературой вообще, а въ частности—исторіей искусства или эстетики. Съ увлеченіемъ и жаромъ пробужденнаго энтузіаста, съ уклономъ въ сторону философскаго мышленія, работая въ той области, которая была ему въ высшей степени пріятна, Ульрици дѣлаетъ огромные успѣхи на новомъ поприщѣ, такъ что черезъ два года получаетъ въ Галльскомъ университетѣ степень доктора философіи,—16-го іюня 1831 года.

Сдѣлавшись какъ бы профессиональнымъ ученымъ и опредѣливъ здѣсь свое направленіе въ сторону философіи, Ульрици, послѣ полученія докторской степени, мѣняетъ исторію искусства на философію искусства и весь съ головой уходитъ въ изученіе этой науки. Съ этого же времени начинается его учено-литературная, писательская дѣятельность, первымъ шагомъ по пути которой было изданіе имъ въ 1833 году „Новелль“ съ изложенными въ нихъ основными мыслями той науки, которой тогда былъ особенно заинтересованъ ихъ авторъ,—философіи искусства.

Но такого рода дѣятельность вполнѣ и всецѣло не удовлетворяла Ульрици, хотя онъ теперь, выбравшись изъ чиновничьихъ тисковъ, былъ уже покоенъ: передъ нимъ откры-

вался широкой и прямой путь служения наукъ, бывший заветной мечтой Ульрици. Вскорѣ эта мечта получаетъ и болѣе реальное осуществленіе. Лѣтомъ 1833 года Ульрици получаетъ приглашеніе доцентомъ на кафедре въ Берлинскій университетъ, а въ слѣдующемъ 1834 году мы видимъ его уже экстра-ординарнымъ профессоромъ Галльскаго университета.

Такой быстрый успѣхъ Ульрици объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ это время онъ издалъ свою первую самостоятельную и глубоко-научную работу: „Характеристика античной историографіи“, которая вполне заслуженно была встрѣчена общимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, свидѣтельствуя о своемъ авторѣ, какъ о серьезномъ ученомъ и глубококомъ мыслителѣ. Этотъ его трудъ обратилъ на Ульрици вниманіе всего германскаго ученаго міра и выставилъ его, какъ достойнаго кандидата сначала на одну изъ освободившихся кафедръ въ Берлинскомъ университетѣ, а потомъ—и на экстраординарную кафедру въ Галльскій университетъ.

Предложеніе кафедры изъ родного для Ульрици университета, конечно, было принято имъ съ особенной радостью. И вотъ, молодой философъ и ученый, прибываетъ въ Галле, съ тѣмъ, чтобы больше уже не покидать его. Дѣйствительно, мы видимъ потомъ, что Ульрици въ Галле же, черезъ 27 лѣтъ послѣ полученія тамъ э.-ординарной кафедры, получаетъ и званіе ординарнаго профессора, въ 1861 году. Тамъ же, вскорѣ послѣ этого, Ульрици былъ избранъ ректоромъ Университета (1867—8); тамъ же былъ отпразднованъ и его пятидесятилѣтній докторскій юбилей (1881), тамъ же, вообще, Ульрици прожилъ все время своей кипучей и разносторонней дѣятельности и тамъ же, наконецъ, онъ умеръ, состоя деканомъ философскаго факультета своего родного университета.

Съ принятіемъ профессуры начинается новая эра ученой дѣятельности Ульрици, самая продолжительная по времени и наиболѣе важная по тому значенію, которое она имѣла для всей послѣдующей жизни и славы философа, для полного сформированія его личности и для всего склада его міровоззрѣнія. Профессоромъ Ульрици сталъ очень рано, имѣя всего—только 27 лѣтъ отъ роду, и вскорѣ же приобрѣлъ мировую

извѣстность „профессиональнаго философа“¹⁾). Почти цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ работаль Ульрици на кафедрѣ своего любимаго предмета, посвятивъ эти двѣ трети всей своей жизни служенію наукѣ и искусству. Его философскія занятія далеко не ограничивались кабинетными работами и думами за рабочимъ столомъ; они были вынесены имъ на шумную площадь жизни и встрѣтили здѣсь, какъ сильную оппозицію въ лицѣ противниковъ молодого мыслителя, такъ и горячую защиту въ лицѣ неменьшаго же числа адептовъ талантливаго профессора и ученаго, съ ревностью апологетовъ отстаивавшихъ положенія и мысли, развиваемыя ихъ учителемъ.

Одновременно съ исполненіемъ своихъ учебно-служебныхъ обязанностей, въ качествѣ профессора университета и связанныхъ съ этими обязанностями трудовъ по составленію университетскихъ лекцій, Ульрици несъ еще обязанности редактора философскаго журнала (*Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*), издаваемый имъ то совмѣстно съ другими, родственными ему по направленію, философами, то единолично.

Ученая дѣятельность Ульрици, въ качествѣ профессора философіи на университетской кафедрѣ и журнальная работа, въ качествѣ редактора и сотрудника серьезнаго философскаго журнала были только двумя главными сторонами его дѣятельности, которыми вся она далеко еще не исчерпывалась. Не менѣе же видную сторону въ ней составляютъ его занятія эстетикой, которыми, собственно, и началась ученая карьера Ульрици и которая онъ никогда не прерываль. И здѣсь, такъ же какъ и въ области философскихъ занятій, Ульрици далеко не ограничивался одними только кабинетными работами,—сочиненіями и статьями на интересовавшія его темы. Онъ проявляль, такъ сказать, эту дѣятельность и практически, принимая, наприм., самое живое и непосредственное участіе въ „Нѣмецкомъ Шекспировскомъ

¹⁾ Интересно, между прочимъ, то, что Ульрици и самъ смотрѣль на себя какъ на философа по профессіи и даже прямо называль себя этимъ именемъ. Такъ, напр., онъ выражается о себѣ, какъ о „Philosoph von Profession“ въ послѣднемъ предисловіи къ своему сочиненію: „Abhandlungen zur Kunstgeschichte als angesandter Aesthätik“.

Обществѣ“¹⁾ основанномъ въ Веймарѣ въ 1861 году, завидуя его издательской дѣятельностью и устраивая у себя на дому знаменитые литературно-музыкальные вечера.

И вотъ, при такой-то кипучей научно-общественной работѣ, Ульрици и самый свой семейный отдыхъ съумѣлъ поставить разумно и пріятно. Двери его дома были широко открыты для друзей и знакомыхъ. И здѣсь, среди домашней уютной обстановки, засиживаясь иногда далеко за полночь, проводилъ Ульрици весь вечеръ со своими гостями и велъ съ ними научные разговоры и споры по специальнымъ вопросамъ, чаще всего бесѣдуя о любимомъ имъ Шекспирѣ; или же вмѣстѣ со всѣми добродушный и остроумный философъ обсуждалъ здѣсь злобы дня, давая свои отвѣты на волновавшіе тогда общество вопросы и опредѣляя свое отношеніе къ разнообразнымъ, тогда уже рѣзко опредѣлившимся направленіямъ въ наукѣ и философіи.—Кромѣ того, по собственной личной инициативѣ и по желанію домашнихъ, Ульрици устраивалъ еще особыя „музыкальные вечера“, изъ которыхъ почти совсѣмъ изгонялся элементъ отвлеченной, иногда слишкомъ сухой, учености. Эти вечера носили еще болѣе теплый, семейный характеръ; на нихъ Ульрици со своими друзьями и родственниками отдыхалъ душой и тѣломъ отъ дневныхъ работъ и стряхивалъ съ себя пыль ученыхъ занятій, попадая въ свѣжую струю живыхъ мыслей и настроеній и пріятно погружаясь въ безмятежный покой домашней, уютной обстановки. Эти вечера сослужили ему свою хорошую службу въ томъ именно отношеніи, что они дѣйствовали какъ бы освѣжающимъ образомъ на его настроеніе, поднимали его и не давали замирать въ немъ интересу къ жизни, къ ея здоровымъ, естественнымъ потребностямъ и нуждамъ. Вотъ почему Ульрици до самой своей смерти сохранилъ въ себѣ бодрость духа, неизсякаемый запасъ жизненной энергіи и силы; поэтому же онъ никогда не стоялъ въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, былъ чувствителенъ къ

1) Какъ мы узнаемъ впоследствии, Ульрици въ своихъ эстетическихъ занятіяхъ особенно сильно увлеклся Шекспиромъ, почему образованіе въ Германіи ученаго Общества, посвященнаго памяти любимаго поэта, было встрѣчено рукоплесканіями съ его стороны; и въ лицѣ его „Общество“ сейчасъ же приобрѣло себѣ талантливаго, энергичнаго и неизмѣннаго члена, бывшаго и его первымъ президентомъ.

ея реальнымъ воздѣйствіямъ и всегда зналъ, что дѣлается у людей за стѣнами его ученаго кабинета и за грудой наваленныхъ на столѣ книгъ.

Въ устройствѣ семейныхъ вечеровъ Ульрици дѣятельно помогала ему его жена, интеллигентная особа, по происхожденію и настроенію, принимавшая въ этихъ вечерахъ самое дѣятельное участіе. Она была дочерью Статскаго Совѣтника въ Берлинѣ, Вилльяма и вышла за мужъ за Ульрици по увлеченію, сойдясь съ нимъ на почвѣ одинаковости настроенія и убѣжденій: она во всемъ раздѣляла взгляды мужа, не выходя изъ солидарности съ нимъ также и по отношенію къ его религиозно-философскому міросозерцанію.—Женился Ульрици въ 1833 году, какъ разъ въ самомъ началѣ своей ученой карьеры и литературной дѣятельности; а скоронилъ жену лишь двумя года раньше своей смерти, въ 1882 году. Такимъ образомъ, тихая, счастливая супружеская жизнь философа тянулась на протяженіи цѣлыхъ 48 лѣтъ, т. е. обнимала почти все время его служенія университету, наукъ и искусству. Не менѣе счастливъ былъ Ульрици и въ дѣтяхъ. Дѣти Ульрици (а у него ихъ было трое: сынъ и двѣ дочери) обладали недюжинными музыкальными способностями и только радовали отца всѣмъ своимъ поведеніемъ, въ особенности своими музыкальными талантами, къ чему былъ такъ неравнодушенъ эстетъ въ душѣ — Ульрици. Однимъ словомъ, нельзя не отмѣтить, что семейная обстановка жизни сложилась для Ульрици самымъ благопріятнымъ образомъ и безъ сомнѣнія, она не осталась безъ сильнаго вліянія на характеръ его дѣятельности, сообщивши ей гармоническую цѣльность и тихую теплоту и задушевность. Даже и на склонѣ своей жизни, стоя чуть не на краю могилы, Ульрици, выростивъ дѣтей и скоронивъ жену, ни въ какомъ отношеніи не измѣнялъ своего образа жизни. Онъ продолжалъ также непрерывно и усиленно заниматься наукой и чтеніемъ лекцій въ университетѣ и даже не прекращалъ своихъ „музыкальных“ вечеровъ.

Галльскій университетъ высоко цѣнилъ своего выдающагося профессора. Одно время онъ занималъ въ немъ даже должность Ректора (1867 — 8). Изъ послѣдующихъ событій жизни и дѣятельности Ульрици, какъ ученаго и философа надо отмѣтить, въ послѣдовательномъ порядкѣ, три слѣдую-

щихъ года: 1879, 1880 и 1881-й. Въ 1879 г. Ульрици былъ избранъ членомъ Академіи „delle Scienze e Lettere“ въ Палермо, въ 1880 г. избрала его своимъ членомъ Академіи „Reale dei Lincei“ въ Римѣ. Наконецъ, въ 1881 году 16-го іюня былъ торжественно отпразднованъ 50-тилѣтній докторскій юбилей научно-литературной и философской дѣятельности Ульрици (1831—1881), въ которомъ принимала участіе вся профессорская корпорація его ученыхъ сослуживцевъ и все студенчество, т. е. весь университетъ. Въ этотъ же день и богословскій факультетъ увѣнчалъ Ульрици степенью доктора теологіи honoris causa.—Но это было какъ бы уже вечерней зарей угасающей жизни, которая скоро совсѣмъ потухла. Когда на слѣдующій годъ, послѣ торжественно отпразднованнаго юбилея, умерла у Ульрици жена, онъ счелъ себя въ правѣ удалиться отъ жизни, отказавшись принимать въ ней активное участіе, и, порвавъ съ ней непосредственныя сношенія, оставивъ только точки соприкосновенія съ литературнымъ міромъ. Скоро и этого не стало: старческіе недуги все больше и чаще давали о себѣ знать и напоминали философу о приближеніи рокового конца дня подведенія итоговъ жизни. Но изнемогавшій тѣломъ, маститый старецъ былъ бодръ духомъ. Сила вѣры и непоколебимая стойкость убѣжденій долго еще держала его на ногахъ и заставляла превозмогать ту мучительную головную боль на нервной почвѣ, которой онъ давно уже страдалъ отъ усиленныхъ умственныхъ занятій. Наконецъ, апоплексическій ударъ, неожиданно случившійся съ нимъ въ 1883 г. уложилъ его въ постель; но и онъ еще не въ силахъ былъ сдержать свободнаго полета его фантазіи и мысли: воображеніе всегда уносило Ульрици далеко за стѣны его скорбной спальни, гдѣ онъ лежалъ больной и почти безсильный,—душею онъ былъ все время у своего рабочаго стола и любимой имъ науки, отказаться отъ службы которой онъ не хотѣлъ даже наканунѣ своей смерти ¹⁾. Однако быстро прогрессирующая болѣзнь дѣлала свое разрушительное дѣло

1) Въ 1883 году, значить, меньше чѣмъ за годъ до своей смерти Ульрици помѣстилъ въ своемъ журналѣ рецензію на вновь вышедшую книгу Borelius'a „Ueber den Satz des Widerspruchs u. die Bedeutung der Negation“.

и 11-го января 1884 г. Ульрици покончилъ всѣ счеты съ земной жизнью. „Въ субботу въ 9 час. веч., какъ замѣчаетъ объ Ульрици одна „Лѣтопись“, „не стало одного изъ лучшихъ людей міра“¹⁾. Такъ умеръ 78-лѣтнимъ старцемъ этотъ великій человѣкъ, ученый и философъ, заплативъ полную дань наукѣ и жизни и не оставшись въ долгу ни передъ кѣмъ²⁾.

II.

Характеристика научно-литературной и философской дѣятельности Г. Ульрици.

Три фактора опредѣляютъ собой характеръ и направленіе научно-литературной и философской дѣятельности Ульрици: 1) его индивидуальныя интересы или субъективное настроеніе личности, 2) его социальное положеніе, т. е., его роль профессора философіи въ Галльскомъ университетѣ и 3) наконецъ, тѣ историческія условія времени, среди которыхъ пришлось жить и дѣйствовать Ульрици. Въ частности, въ литературно-философской дѣятельности Ульрици можно отмѣтить три слѣдующихъ момента: 1) литературно-историческія и эстетическія занятія Ульрици, 2) его чисто - философскія занятія и, наконецъ, 3) занятія богословско-философскія. Каждому изъ этихъ трехъ моментовъ соответствуетъ цѣлая серія специальныхъ сочиненій, подробно разрабатывающихъ данную область. Мы послѣдовательно и рассмотримъ каждую изъ нихъ, чтобы видѣть, какъ много и что, именно, сдѣлано

1) Jahrbuch der deutschen Shakespeare — Gesellschaft. Weimar, 1884, s. 320.

2) Биографическія свѣдѣнія объ Ульрици мы черпали изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Allgemeine deutsche Biographie. B. 39. Leipz. 1895. 2) W. Schrader. „Geschichte der Friedrichs—Universität zu Hallé II, ss. 71 u. 269—273. 3) Zeitschr. für die deutsche Unterricht, VIII, s. 392 4) Nekrolog v. H. Ulrici (Jahrbuch der deutschen Shakespear—Gesellschaft Weimar. 1884). 5) „Vorgetragen“ v. Vinke (Jahrb. d. dtsh. Schak.—Gesel., 1895). 6) M. Carrière „Lebensbilder“ Leipz. 1890, ss. 335—344. 7) O Roquette. „Siebzige Jahre“, Darmstadt, 1894, I, ss. 262 и 293. 8) C. Grappengieser. „I. Kant's „Kritik der Vernunft“ u. deren Vortbildung durch I. F. Fries mit besonderer Beziehung zu dem abweichenden Ansichten des Herrn prof Dr. H Ulrici“. Iena, 1882, s. 72. 9) Grüneisen. „Zur Erinnerung. v. H. Ulrici“. (Ztschr. f. phil. u. philos. Krit., 1894, B. 103).

было Ульрици въ той или другой области и каково, вообще, было его міросозерданіе.

1. Началомъ научно-литературной и философской дѣятельности Ульрици, какъ мы уже упоминали объ этомъ и раньше, можно считать 1831 годъ, когда онъ получилъ степень доктора философіи. Первые шаги по новому пути у Ульрици были очень осторожны, неувѣренны и даже робки: онъ сперва не рѣшается выступить самостоятельно и открыто, и свои „Новеллы“, въ которыхъ излагаются основныя мысли по философіи искусства, онъ издаетъ лишь послѣ одобренія ихъ Людовикомъ Тиккомъ и подъ псевдонимомъ „Ульрихъ Рейманъ“. Эти „Новеллы“ были выпущены Ульрици въ свѣтъ тогда, когда онъ не занималъ еще университетской кафедры и вообще не несъ никакихъ обязанностей въ качествѣ, такъ сказать, оффиціального представителя науки.

Приглашеніе на должность экстра-ординарнаго профессора философіи въ Галльскій университетъ Ульрици получилъ въ 1834 году, послѣ изданія своего другого научнаго труда изъ той же литературно-исторической области: „Charakteristik der antiken Historiographie“. Перемѣна положенія, какъ мы уже сказали, не повліяла существенно на характеръ ученыхъ занятій Ульрици, и онъ продолжалъ работать въ прежнемъ направленіи, съ еще большимъ увлеченіемъ занимаясь исторіей и философіей искусства: сдѣлавшись философомъ по профессіи, онъ не пересталъ быть историкомъ и литераторомъ по настроенію. Если что здѣсь и можно считать за нѣкоторую измѣну старому, такъ это развѣ только то, что прежній путь Ульрици теперь развѣтвляется на двѣ параллельныя линіи: историческую, съ присоединеніемъ сюда и философіи искусства и — строго философскую, въ узкомъ смыслѣ слова, хотя послѣдняя болѣе ярко обозначилась лишь гораздо позже.

Первое сочиненіе, съ которымъ Ульрици выступилъ на судъ общественной критики въ роли профессора въ 1835 году была его „Исторія греческой поэзіи“ (Geschichte der Hellenischen Dichtung). Здѣсь новый академическій ученый, выступающій во всеоружіи хорошо изученнаго имъ предмета, уже обра-

¹⁾ Ztschr. f. Phil. u. phil. Kritik. 1894. 13. 103. Grüneisen: „Zur Erinnerung an Herm. Ulrici“, s. 288.

щаетъ на себя вниманіе и профессорской корпораціи и всѣхъ ученыхъ круговъ общества своимъ незауряднымъ талантомъ и большою эрудиціей.

Вскорѣ послѣ этого Ульрици началъ изданіе новаго сочиненія, которое, по его собственному признанію, какъ бы связываетъ конецъ его жизни съ началомъ и которому принадлежитъ, по выраженію Grüneisen'a, какъ „вдохновеніе его молодости, такъ и горячая любовь старости“. Объ этомъ сочиненіи самъ философъ писалъ въ предисловіи къ его третьему лейпцигскому изданію въ 1868 году (первыя два изданія были,—одно въ 1839 г. и другое — въ 1848): „Я смотрю на всѣ три изданія своего сочиненія какъ все на одно дѣло; и это потому, что я работалъ надъ нимъ почти въ продолженіи всей своей жизни“. Это, столь дорогое для самого автора сочиненіе было написано имъ о самомъ любимомъ его поэтѣ—Шекспирѣ и носило такое заглавіе: „Shakespeare's dramatische Kunst. Geschichte u. Charakter des Shakespeare's Drama“¹⁾. Увлеченіе Шекспиромъ у Ульрици было такъ глубоко и велико, что казалось, будто вся поэзія для него сосредоточилась въ одномъ его любимомъ поэтѣ. Такое увлеченіе Шекспиромъ, конечно, не могло не казаться страннымъ, тѣмъ болѣе, что оно у Ульрици, иногда, обращалось прямо въ какую-то болѣзненную манию. Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ злобнымъ критикамъ думать объ Ульрици, что онъ просто „сумасшедшій мистикъ“, который носится повсюду со своимъ Шекспиромъ и навязывается съ нимъ ко всѣмъ. Но тенденціозность этой клеветы скорѣ же была вскрыта послѣдующими работами Ульрица.

Періодъ бурнаго увлеченія Шекспиромъ у Ульрици продолжался, сравнительно недолго и кончился, какъ скоро увлекла его профессорская дѣятельность и, особенно, борьба съ противоположными ему философскими теченіями. Теперь Уль-

¹⁾ Въ этомъ сочиненіи, не смотря на свое восторженное преклоненіе предъ художественными красотами и музыкальностью въ творчествѣ обожимаго поэта, Ульрици, однакоже, стоитъ на научно-объективной почвѣ. Онъ ясно раскрываетъ здѣсь тайну обаянія шекспировской музы, отмѣчаетъ всѣ ея характерныя особенности, сообщаетъ много интересныхъ чертъ изъ жизни самого поэта, яркими чертами рисуетъ нравственный обликъ его личности и пр.

²⁾ Allgemeine Deutsche Biographie. Leipz. 1895. 13. 39. S. 266.

рици уходитъ въ сторону отъ Шекспира, разрабатывая многіе вопросы изъ чисто философской области, хотя, впрочемъ, онъ не оставляетъ также и своихъ литературно - историческихъ и эстетическихъ занятій. Изъ специальныхъ сочиненій, относящихся къ послѣднимъ, нужно здѣсь отмѣтить: „Abhandlungen zur Kunstgeschichte, als angewandete Aesthätik“ (Leipz. 1877). Въ этомъ сочиненіи Ульрици весьма обстоятельно раскрываетъ многіе вопросы изъ области поэзіи и эстетики: онъ говоритъ тутъ о противоположности между древнимъ (античнымъ и новымъ (христіанскимъ) искусствомъ, выясняетъ понятіе стиля и различныя направленія въ исторіи его пониманія, яркими красками рисуетъ картину постепеннаго развитія идеала Мадонны, даетъ мѣткія характеристики великихъ художниковъ, каковы, напр., Леонардо-де-Винчи, Микель-Анджело, Буонаротти и др. Въ послѣднемъ отдѣлѣ онъ выясняетъ положеніе драмы и трактуетъ подробно о юморѣ у Шекспира, Гете и Шиллера, говоритъ объ отношеніи послѣднихъ къ первому и т. д. т. д. Таковы были, такъ сказать, теоретическія занятія Ульрици въ области исторіи и философіи искусства. Свои эстетическія занятія Ульрици далеко не ограничивалъ только кабинетными работами, но проявлялъ ихъ и въ общественно практической жизни—разумѣемъ здѣсь его видное участіе въ „Шекспировскомъ обществѣ“.

Нѣмецкое Шекспировское Общество основано было въ Веймарѣ въ 1864 году, т. е., въ самый разгаръ научно-литературной дѣятельности Ульрици. Оно было обязано своимъ возникновеніемъ небольшой кучкѣ молодыхъ ученыхъ, увлекавшихся Шекспиромъ и его направленіемъ въ драмѣ. Общество ставило себѣ цѣлью,—полное и всестороннее изученіе Шекспира, прежде всего, и потомъ ознакомленіе съ нимъ и съ его направленіемъ германскаго образованнаго общества. Все это какъ нельзя болѣе шло навстрѣчу страстнымъ желаніямъ Ульрици. Поэтому, нечего уже и говорить про то, что онъ тотъ часъ же примкнулъ къ этому Обществу и сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ и ревностнѣйшихъ его членовъ. Онъ, собственно, былъ „сооснователемъ“ Общества, какъ называетъ его издаваемый этимъ обществомъ журналъ ¹⁾, и затѣмъ, долгое время его дѣятельнымъ членомъ:

¹⁾ Jahrb. d. dtsh. Shakespeare-Gesellschaft. 1864, s. 318.

онъ всегда горячо ораторствовалъ на засѣданіяхъ общества, оппонировалъ на рефератахъ, часто самъ читалъ рефераты и, еще болѣе того, писалъ въ издаваемомъ этимъ Обществомъ журналъ: „Jahrbuch der deutschen Shakespeare Gesellschaft“, писалъ, конечно, статьи, посвящаемыя Шекспиру и его музѣ ¹⁾).

Насколько цѣнили и уважали Ульрици въ Шекспировскомъ Обществѣ, свидѣтельствуется уже одинъ тотъ фактъ, что онъ былъ первымъ президентомъ этого общества и безупречно несъ всѣ обязанности, связанныя съ этимъ высокимъ, но отвѣтственнымъ и труднымъ положеніемъ въ продолженіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, съ 1867—1878 г. „И только часто ставшіе повторяться болѣзни, какъ справедливо замѣчаетъ Vinke ²⁾, заставили Ульрици отказаться отъ новаго избранія (т. е., по истеченіи 11 лѣтъ), послѣ чего онъ уже оставался только почетнымъ президентомъ Общества, не принимая активнаго участія въ его дѣлахъ и жизни.

Какъ можно видѣть изъ изложеннаго, Ульрици вполне серьезно и научно занимался сперва въ области искусства и эстетики,—ихъ исторіей и философіей, съ чего онъ и началъ, собственно, свою ученую карьеру. Хотя впоследствии сдѣлавшись философомъ по профессіи, Ульрици сталъ специализироваться, въ области философіи, однако, онъ не бросилъ и своихъ литературно-эстетическихъ занятій. Въ этой сторонѣ научно-литературной дѣятельности Ульрици наиболее проявился первый изъ отмѣченныхъ нами выше факторовъ: индивидуальныя интересы философа и его субъективныя личныя склонности,—какъ бы врожденная любовь къ литературѣ и эстетикѣ. И именно благодаря тому, что Ульрици не былъ профессиональнымъ литераторомъ-специали-

1) Изъ многочисленныхъ статей Ульрици, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ, можно, наприм., отмѣтить слѣдующія: „Christofer Marlowe u Shakespeare's Verhältniss zu 'jhm.“; „Ueber Shakespeare's Fehler u Mängel“; „Ueber Shakespeare's Humor“.—Это все, болѣе или менѣе, основательныя и подробныя изслѣдованія затрагиваемыхъ здѣсь вопросовъ. Сюда же относятся и болѣе краткія статьи, въ видѣ критико-библиографическихъ замѣтокъ: „Die Shakespearelieberufen bis Mitte. 1854. Zusammenge stellt. herausg. v. Ph. Sillig“: „Shakespeare's Werke den englischen noch den bessten Quellen berichtigten Text. Mit kritischen u. erläuterungen Anmerkungen v. Dr. H. Ulrici“... и нѣкоторыя др.

2) Jahrb. d. dtsh. Shak.—Gesel.. 1885, s. 36.

стомъ, объясняется то обстоятельство, что онъ не былъ выдающимся литературнымъ критикомъ и такимъ же знаткомъ литературы и эстетики. И его, конечно, никогда нельзя ставить здѣсь въ одинъ рядъ съ такими специалистами, каковъ, наприм., былъ современникъ Ульрици Шерръ (его „Allgemeine Geschichte der Litteratur“). Но во всякомъ случаѣ, всѣ тѣ результаты, которыхъ Ульрици достигъ въ своихъ литературно-эстетическихъ занятіяхъ и особенно то, что онъ сдѣлалъ по части ознакомленія германскаго общества съ Шекспиромъ, все это должно быть поставлено ему въ несомнѣнную заслугу.

Другую еще болѣе видную сторону научно-литературной дѣятельности Ульрици составляли его чисто-философскія работы. Но къ нимъ онъ приступилъ далеко не сразу, послѣ занятія имъ философской кафедры. Началомъ философскихъ работъ Ульрици можно считать полемиическій трактатъ, изданный имъ въ 1841 г. подъ заглавіемъ „Ueber Princip und Methode der Hehelschen Philosophie“.—Въ этомъ сочиненіи Ульрици одинъ изъ первыхъ открыто выступилъ противъ Гегеля, взявъ на себя смѣлость—пустить ядовитыя стрѣлы рѣзкой критики въ ультра-идеалистическую философію отвлеченнаго гегелевскаго умозрѣнія и діалектики. Въ названномъ сочиненіи Ульрици, сначала, кратко излагаютъ основныя черты Гегелевской философіи, потомъ, переходить къ разбору основныхъ принциповъ и метода, дальше критикуетъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ,—феноменологію духа, логику, натуръ-философію философію духа и, особенно, философію права, причемъ, подробно разбираетъ и мнѣніе Гегеля о необходимости зла. Въ послѣднихъ частяхъ кратко трактуетъ въ Абсолютномъ духѣ и затрагиваетъ также гегелевскую эстетику, религіозную философію и, наконецъ, самое понятіе Гегеля о философіи.

Давши, такимъ образомъ, въ этомъ первомъ, специально-философскомъ сочиненіи довольно обстоятельную, хотя и рѣзкую критику основнаго принципа и метода Гегелевской философіи, находившейся тогда въ самомъ зенитѣ своей славы, Ульрици еще рѣшительнѣе противъ того же Гегеля выступаетъ въ другомъ своемъ, двухъ-томномъ трудѣ, изданномъ имъ въ 1845—6 г.: „Das Grundprincip der Philo-

sophie“ ¹⁾. Въ первой части этого сочиненія (критико-исторической) Ульрици, между прочимъ, раздѣляетъ исторію и критику принциповъ новѣйшей философіи по такимъ рубрикамъ: системы реализма, идеализма, догматизма, критицизма и діалектизма; при этомъ, въ той части, гдѣ трактуется о формальной полнотѣ діалектизма и его возвращеніи къ идеализму, тамъ опять повсюду выступаетъ на сцену Гегель, причемъ Ульрици иногда заявляетъ себя какъ бы и его сторонникомъ.—Во второй, принципиальной части Ульрици, между прочимъ, утверждаетъ, что каждая философская система,—пусть это будетъ догматизмъ, или скептицизмъ, реализмъ или идеализмъ, или какая другая—безразлично, —непремѣнно предполагаетъ фактъ человѣческаго мышленія. И дальше начинается рѣчь объ этомъ мышленіи,—даются основныя опредѣленія послѣдняго и указывается его роль въ происхожденіи всего нашего познанія и знанія; причемъ особенно характерно, то, что все это дѣлается въ стилѣ чисто гегелевскаго идеализма.

Вообще о разсматриваемомъ сочиненіи Ульрици надо замѣтить, что оно написано съ оттѣнкомъ ультра-идеалистическаго направленія; а это очевидно, обязанно тому обстоятельству, что Ульрици въ это время еще находился подъ вліяніемъ Гегеля и, хотя сознавалъ неправоту его философіи и хотѣлъ уйти отъ него, какъ можно дальше, однако еще не могъ этого сдѣлать и во многомъ невольно вторилъ Гегелю. Въ результатъ и явился его почти чисто-идеалистическій курсъ философіи ²⁾, на что указывала ему критика такъ, напр., С. Gropengiesser въ своемъ отзывѣ объ его философіи говорить: „моя точка зрѣнія на философію Ульрица такова: эта философія представляетъ изъ себя сплошной,

¹⁾ Каждый изъ двухъ томовъ этого сочиненія стоитъ въ нѣкоторой изолированности отъ другого и обладаетъ относительной самостоятельностью, имѣя даже свое заглавіе: 1-й т., излагающій исторію и критику принциповъ новѣйшей философіи, такъ и называется: „Geschichte und Kritik der Principen der Neueren Philosophie“, 2-й т., разсматривающій спекулятивныя основы системы философіи или излагающій ученіе о познаніи, въ соотвѣтствіе съ этимъ носитъ такое заглавіе: Speculative Grundlegung des Systems der Philosophie der die Lehre vom Wissen“.

²⁾ Если здѣсь у Ульрици и встрѣчаются возраженія повидимому, прямо противъ идеализма, то ихъ скорѣе можно направить въ сторону антропоморфизма.

односторонній рационализмъ, не признающій самостоятельности возрѣвнѣя наряду съ мышленіемъ. По своей формѣ она—несомнѣнный догматизмъ, въ основѣ котораго лежитъ противорѣчащее всякому истинному и ложному самонаблюденію положеніе: „всякая духовная дѣятельность есть мышленіе“. Изъ этого положенія, далѣе, путемъ анализа, соответствующихъ опредѣленій и объясненій, выводится уже и все другое“¹⁾.

На одной линіи съ двумя разсмотрѣнными сочиненіями Ульрици стоятъ еще два сочиненія. Это его „Systeme der Logik“ (Leipz. 1852) и „Compendium der Logik“ (Leipz. 1860).—Послѣднее представляетъ изъ себя сокращеніе перваго и имѣетъ видъ учебника, приуроченнаго прямо къ программѣ нѣмецкихъ гимназій. Это „сокращеніе“ выдержало нѣсколько изданій и въ свое время пользовалось большою популярностью, какъ, именно, учебникъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ по логикѣ и теоріи познанія Ульрици выступаетъ противникомъ матеріализма, рѣшительно становясь на защиту идеалистическаго міросозерцанія, которому принадлежали всѣ его симпатіи. Только теперь онъ постепенно выбирается изъ дебрей отвлеченнаго, безжизненнаго идеализма въ духѣ Гегелевскихъ абстракцій и обобщеній, и старается поставить свое идеалистическое міросозерцаніе на болѣе реалистическій базисъ,—на почву положительныхъ фактовъ и конкретной, живой дѣйствительности. Опровергая матеріализмъ, враждебно относящійся ко всему тому, что не укладывается въ рамки чувственнаго опыта, слѣдовательно, къ ихъ метафизикѣ, Ульрици пытается эту метафизику поставить прочно на ея логическій фундаментъ; да это, по его мнѣнію, необходимо сдѣлать и всякому, кто только хочетъ видѣть въ метафизикѣ дѣйствительную науку, а не праздное философствованіе по различнымъ возвышеннымъ вопросамъ. И вотъ, развивая эту точку зрѣнія, Ульрици въ своей логикѣ излагаетъ собственное пониманіе природы логической дѣятельности мышленія и предлагаетъ свое ученіе о категоріяхъ. Исходя изъ своего

¹⁾ C. Groppgiesser. „I. Kant's Kritik der Uernunft u. deren Fortbildung durch I. F. Fries. Mit besonderer Beziehung zu den abweichenden Ansichten des Herrn Pr. Dr. H. Ulrici“. Iena, 1882, s. 72.

основного положенія, что мышленіе есть различающая дѣятельность, Ульрици, между прочимъ, доказываетъ, что законъ причинности или достаточнаго основанія есть, дѣйствительно, всеобщій законъ мышленія, которому послѣднее подчиняется съ роковой, желѣзной необходимостью (*Denknotwendigkeit*—какъ называетъ Ульрици, эту необходимость). Внутренне-априорная, т. е., логическая и внѣшне-апостериорная, т. е., фактическая необходимость мысли во взаимодѣйствіи одна съ другой образуютъ базисъ всякой достовѣрности; развивая эту мысль дальше, Ульрици такимъ путемъ хотѣлъ реформировать крайній идеализмъ, и согласовать съ нимъ умѣренный реализмъ безъ тѣхъ послѣдствій и выводовъ, которыя слѣдуютъ изъ чисто-натуралистическаго или только матеріалистическаго міросозерцанія.

Наконецъ, нужно упомянуть еще объ одномъ сочиненіи Ульрици, касающемся главнымъ образомъ, вопросовъ, матеріальной и формальной логики вообще, и въ частности,—опять ученія о категоріяхъ. Это сочиненіе носитъ на себѣ полемическій характеръ и направлено противъ Тренделенбурга, Фишера и Ибервега, имѣя такое общее заглавіе: „*Zur logischen Fragen*“ (1870).

Такимъ образомъ въ чисто-философской области мы видимъ Ульрици, съ одной стороны, умѣреннымъ антигегельянцемъ, съ другой—безспорнымъ идеалистомъ, но идеалистомъ, такъ сказать, обновленнаго типа, который, въ противоположность прежнему чисто абстрактному идеализму, можно было бы назвать идеало-реалистическимъ (система идеалистическаго міросозерцанія строится на чисто реалистическомъ базисѣ или на почвѣ фактовъ конкретной дѣйствительности).

3. Помимо двухъ только что разсмотрѣнныхъ группъ сочиненій Ульрици—его литературно-эстетическихъ и полемико-философскихъ работъ—у него есть и еще одна третья группа—работъ философско-богословскихъ, въ которыхъ, пожалуй, еще полнѣе, чѣмъ въ первыхъ двухъ отразилась внутренняя духовная фizioномія ихъ автора и которыя имѣ-

¹⁾ См. это сочиненіе, напечатанное въ видѣ дѣлаго ряда статей подъ такимъ именно заглавіемъ въ журналѣ: „*Zeitschr. f. Philos. u. phil. Kritik*“. 1869, В. 55, ss. 185—237. и 1870, В. 56, ss. 198—250.

ють особенно важный специальный интересъ для насъ, какъ представителей того же самаго научно-богословскаго образованія. Изъ сочиненій этой категоріи прежде всего надо обратить вниманіе на сочиненіе „Glauben und Wissen, Speculation und exacten Wissen“ (Leipz. 1858). Это сочиненіе, по словамъ самаго автора, представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ смыслѣ „новую теорію познанія и своего рода пролегомена къ системамъ метафизики и религіозной философіи, опирающимся, все-таки, на собственныя основанія“ (Vorwort, s. IV). Подзаголовокъ этого сочиненія: „Zur Uersöhnung das Zwiespalts zwischen Religion, Philosophie und naturwissenschaftlicher Empirie“ ясно показываетъ, какова его основная тенденція и къ какой конечной цѣли оно направляется: его прямая задача — уничтожить мнимый антагонизмъ между вѣрой и знаніемъ, философіей и естествознательной эмпиріей; оно старается показать, что очень многое не только въ религіи, но и въ философіи, и въ наукѣ, вообще, не заслуживаетъ имени знанія и, самое большее, можетъ быть названо научной вѣрой; а если послѣднюю признають и принимаютъ, то и религіозная вѣра имѣетъ такое же право на существованіе, такъ же разумна, естественна и необходима, какъ и научная вѣра.

Въ ближайшемъ отношеніи къ разсмотрѣнному сочиненію и даже въ нѣкоторой связи съ нимъ стоитъ другое большое и весьма научное сочиненіе Ульрици: „Gott und die Natur“ (Leipzig. 1861 и 2-е изд.—1866) ¹⁾. Это сочиненіе представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ курса по натурѣ-философіи и рациональной теологіи и, по словамъ самаго автора, скорѣе можетъ быть названо „Природа и Богъ“, чѣмъ „Богъ и природа“, потому что именно природа и естествознаніе служатъ его исходнымъ пунктомъ. Въ этомъ именно сочиненіи Ульрици достигаетъ тѣхъ результатовъ, которые были конспективно намѣчены имъ въ предыдущемъ сочиненіи (Glauben

¹⁾ Есть русскій переводъ этого сочиненія въ двухъ томахъ (нѣмецкій подлинникъ—въ одномъ томѣ) подъ редакціей э.-орд. проф. Каз. Дух. Акад. М. М-скаго, изданный въ Казани въ 1867—8 гг. Изъ другихъ сочиненій Ульрици на русскій яз. переведены только: „Leib und Seele“ („Тѣло и душа“, СПб. 1869) и изъ 2-го тома „Grundzüge der practischen Philosophie“—одно „Введеніе“ („Allgemeine grundlegende Einleitung“) подъ заглавіемъ: „Нравственная природа человѣка“, перев. Голубинскаго. Каз. 1878.

und Wissen) и, обрисовавшись тамъ еще въ очень неясныхъ контурахъ, туманно носились передъ его сознаниемъ. Но теперь Ульрици уже прямо могъ сказать, что *Богъ есть творческая первопричина природы* и абсолютное предположеніе самого естествознанія. Призывая къ себѣ на помощь физиологію и физику, геологію и химію и устанавливая вполне научнымъ путемъ взятыя изъ нихъ, такъ сказать, естествознательныя предпосылки, Ульрици приходитъ къ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ выводамъ: религіозная вѣра и естественно-научное міросозерцаніе какъ нельзя лучше уживаются другъ съ другомъ, и понятіе *личнаго Бога* необходимо стоитъ въ центрѣ всякаго міровоззрѣнія; безъ него обойтись нельзя, потому что на какой бы сторонѣ мірового бытія вселенной ни остановился человѣческой разумъ, онъ всегда натолкнется на слѣды присутствія въ мірѣ Абсолютной, сверхъестественной Силы.

Дальше слѣдуетъ обширное сочиненіе, носящее общее заглавіе: „Gott und der Mensch“ ¹⁾ и состоящее изъ двухъ, совершенно самостоятельныхъ и изданныхъ отдѣльно томовъ изслѣдованія: 1-й т.—„Leib und Seele“ (Leipz. 1866; 2 изд.—1874) и 2-й т. „Grundzüge der praktischen Philosophie, Naturrecht, Ethik und Aesthetik“ (Leipz. 1873). Первый томъ состоитъ изъ двухъ частей: физиологической и чисто психологической и представляетъ изъ себя полный *курсъ психологіи*. Здѣсь Ульрици на базисѣ прочно установленныхъ въ физиологіи фактовъ излагаетъ научныя основы новой психологіи человѣка и въ конечныхъ результатахъ приходитъ опять къ идеѣ Личнаго Бога, стоящаго въ центрѣ человѣческой психики и путемъ непосредственнаго воздѣйствія на душу, производящаго

¹⁾ Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, какъ можно судить по подзаголовку: „Grundzüge prakt. Phil., Naturrecht, Ethika, Aesthetik“, Ульрици, очевидно, собирался выпустить цѣлую серію анти-материалистическихъ сочиненій. Но изъ нихъ вполне цѣльное и законченное изслѣдованіе представляетъ только 1-й томъ: „Lieb und Seele“ и изъ 2-го тома — 1-я часть: „Naturrecht“—систематически и послѣдовательно развитая теорія естественнаго права въ философскомъ освѣщеніи. А двѣ другія части: „Ethik“ и „Aesthetik“, несомнѣнно, входившія въ первоначальные планы Ульрици остались невыполненнымъ замысломъ: цѣльныхъ теорій въ видѣ полныхъ курсовъ по Этикѣ и Эстетикѣ Ульрици намъ не далъ, ограничившись разбросанными въ разныхъ мѣстахъ замѣчаніями и отдѣльными мыслями по даннымъ отраслямъ науки.

въ ней соотвѣтствующее религіозное чувство, какъ естественную реакцію на такое воздѣйствіе.

Во второмъ томѣ Ульрици, прежде всего, опредѣляетъ задачи практической философіи. Послѣдняя должна прояснить, усилить и направить въ настоящее русло общечеловѣческое сознаніе относительно права и его нарушенія, относительно добра и зла, красоты и безобразія, истины и заблужденія. „Не національное благосостояніе народа,—разсуждаетъ Ульрици,—которое доказываетъ только пагубную страсть къ наслажденіямъ, не всестороннее интеллектуальное образованіе массы, къ которому не всѣ бывають способны,— но только этическое воспитаніе всего общества всѣми возможными средствами будетъ въ состояніи предотвратить паденіе, угрожающее современной культурѣ, которую хотять построить на базисѣ христіанства и на развалинахъ античнаго искусства и науки“. Въ обширномъ „введеніи“ къ разсматриваемому труду (1—208 стр.), имѣющемъ, конечно, отношеніе ко всѣмъ тремъ частямъ его сочиненія, Ульрици даетъ изложеніе своихъ общихъ основныхъ принциповъ. Тутъ онъ подробно трактуетъ о нравственной свободѣ человѣка, какъ объ основѣ права и этики, о всеобщности чувства должнаго, объ этическомъ назначеніи человѣка, о нравственномъ совершенствѣ, объ основныхъ этическихъ понятіяхъ,—идеяхъ истины, добра и красоты и ихъ взаимоотношеніи, ведетъ рѣчь объ идеяхъ добраго и прекраснаго, какъ объ основахъ этики и эстетики. Въ спеціальной части у него идетъ объ отношеніи естественнаго права къ этикѣ и объ ихъ раздѣльности; о бракѣ и государствѣ, какъ правовыхъ установленіяхъ; выясняется связь такихъ понятій, какъ право и долгъ и пр. ¹⁾ Судя по этому можно было бы подумать, что содержаніе сочиненія не соотвѣтствуетъ его заглавію. И на протяженіи развитія всѣхъ его мыслей, дѣйствительно, названіе „Богъ и человѣкъ“ какъ бы совсѣмъ затеривается. И только въ концѣ книги авторъ, какъ будто, вспоминаетъ поставленную имъ себѣ здѣсь задачу и говоритъ, что право коренится въ нравственной природѣ человѣка, что оно, въ послѣднихъ своихъ

¹⁾ Невольно вспоминается здѣсь довольно аналогичное по содержанію и характеру сочиненіе нашего русскаго философа, разумѣемъ „Оправданіе добра“ Вл. Соловьева.

основаніяхъ, заключается въ Богѣ, Который, собственно, и есть абсолютное право: тутъ, какъ видно, формулируется основная идея автора и становится яснымъ, что онъ писалъ именно на тему: „Богъ и человѣкъ“, предполагая зависимость послѣдняго отъ Перваго, и теперь достигъ своихъ результатовъ, выяснивши взаимоотношеніе между Богомъ и человѣкомъ.

Затѣмъ, къ категоріи богословско-философскихъ сочиненій, нужно отнести и небольшое его сочиненіе о Штраусѣ: *Der Philosoph Straus* ¹⁾. Въ этомъ сочиненіи Ульрици даетъ обстоятельную критику сочиненія Штрауса: „*Der alte und neue Glaube*“ и старается опровергнуть его матеріалистическое міросозерцаніе, опираясь, главнымъ образомъ, на тѣ логическіе промахи, которыя допускаетъ здѣсь Штраусъ.

Наконецъ, сюда же пожалуй, хотя и не безъ оговорки можно отнести и изслѣдованіе Ульрици о спиритизмѣ, напечатанное имъ въ его журналѣ въ 1879 г. въ видѣ двухъ статей: „*Der sogenannte Spiritismus eine wissenschaftliche Frage*“ и—„*Ueber dem Spiritismus, als wissenschaftliche Frage*“.—Это сочиненіе занимаетъ нѣсколько особое положеніе въ той категоріи, къ которой мы его относимъ: оно представляетъ изъ себя попытку возвести на степень научнаго положенія явленія, такъ называемаго, спиритизма, гдѣ Ульрици старается доказать и научно обосновать же возможность непосредственнаго вѣдѣнія души на душу ²⁾. Опираясь на положительный факты внутренне-психологическаго и вѣдѣнія - эмпирическаго опыта, Ульрици становится иногда даже прямо на мистическую точку зрѣнія. Всѣмъ этимъ онъ вызвалъ, конечно, большое недовольство въ рядахъ мыслителей матеріалистическаго направленія; а его сочиненіе было встрѣчено не только несочувственно, но и прямо враждебно такими представителями крайняго реализма, какимъ, напр., былъ

¹⁾ Это сочиненіе напечатано Ульрици въ видѣ небольшой критической статьи—замѣтки въ журналѣ: „*Ztschr. f. Phil. u. phil. Krit.*“ 1873, 13. 62, ss. 286—332. (См. объ этомъ сочиненіи также критическую, но очень краткую замѣтку въ „*Theolog. Jahresbericht*, 1873, 13. 8, ss. 397—398).

²⁾ Для Ульрици доказать это было очень важно уже по одному тому, что тогда самъ собою приобрѣталъ-бы научную почву и его взглядъ на происхожденіе религіозной вѣры въ душѣ человѣка — черезъ актъ непосредственнаго вѣдѣнія на нее со стороны Самого Бога.

Вундтъ, съ которымъ Ульрици и вынужденъ былъ вступить въ оживленную полемику.

Нетрудно видѣть изъ всего вышеизложеннаго, что философско-богословскія трактаты Ульрици были прямымъ продолженіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ его работъ въ области чистой философіи. Да такъ, конечно, это и должно быть, потому что область философіи слишкомъ велика и обнимаетъ собою чрезвычайно много и самыхъ разнообразныхъ предметовъ, чтобы не сказать—весь міръ. А такіе вопросы, какъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и ихъ взаимоотношеніи, (рѣшеніемъ чего Ульрици и занимается въ своихъ религіозно-философскихъ сочиненіяхъ) стоятъ даже въ корнѣ философскихъ проблеммъ. Тѣмъ не менѣе мы выдѣлили эти работы Ульрици въ особую группу и назвали ихъ третьей стороной въ общей научно-литературной дѣятельности философа. Это мы сдѣлали затѣмъ, чтобы виднѣе было настроеніе Ульрици, которое преимущественно сказалось здѣсь, и чтобы впослѣдствіи скорѣе можно было отыскать основное зерно его личности, которое проявилась больше всего въ его религіозныхъ идеалахъ. На этомъ мы заканчиваемъ историческую характеристику теоретическихъ сочиненій Ульрици. Намъ осталось теперь сдѣлать анализъ его общественно-практической дѣятельности и, въ качествѣ заключительнаго вывода изъ всего сказаннаго, дать общую оцѣнку личности и міровоззрѣнія этого симпатичнаго философа. Но это до слѣдующаго раза.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Нечаевъ.
